

Гора Шу действительно разослала приглашения героям, но срок их действия был установлен только через шесть месяцев, восприятие времени у культиваторов отличалось от человеческого. Закрытая медитация могла длиться десятилетиями. В пределах одной секты даже соревнования между учениками уровня Формирования Основы проводились лишь раз в десять лет, а великие собрания мастеров ниже уровня Золотого Ядра из разных сект происходили всего раз в пятьдесят лет. Гора Шу просто не могла гарантировать, что все приглашения достигнут адресатов вовремя. Поскольку Инь Чанькунь исчез год назад, и за это время не произошло никаких масштабных потрясений в мире культивации, они решили перенести собрание на более поздний срок, чтобы успеть пригласить как можно больше участников для обсуждения надвигающейся беды.

Но вскоре после отправки приглашений поступила весть о полном уничтожении семьи Ли. Для великих сект клан вроде семьи Ли был почти незаметным, но само то, что такое массовое убийство произошло именно в этот напряжённый момент, требовало немедленного внимания. Гора Шу, Эмэй и даже сам Куньлунь, находившийся в кризисе, направили своих следователей, но ни единой зацепки найдено не было.

Гора Шу хотела ускорить собрание, но поскольку приглашения уже были разосланы, а крупной катастрофы ещё не случилось, им пришлось продолжать ждать. К счастью, оставалось всего несколько десятков дней, и многие мастера праведных сект уже начали прибывать заранее, что казалось, ничто не помешает обычному ходу событий, если немного подождать.

Ли Синлунь и Чанькунь Чжуоюй оказались скрыты внутри формирования горы Шу по приказу Мудреца Ипина, оставив Ран Цэньцинью одну. Сквозь слёзы она смотрела, как её Глава Секты Сюэ, забыв обо всём, уходит вместе с тем лисьим духом Пэем. Она была словно опавший цветок, а Глава Секты — словно стремительный поток, без колебаний устремляющийся к другому берегу, оставляя её сердце разбитым.

Увидев, что Ран Цэньцинью вот-вот расплачется, Мудрец Ипин тихо кашлянул и сказал:

— Бессмертная дева, прошу вас остаться здесь и отдохнуть в нашей секте. Как только эти двое выйдут из уединения, я немедленно пришлю кого-нибудь, чтобы известить вас.

После поединка с Чанькунем Чжуоюем он уже понял, что тот не злодей. Во время их спарринга не было ни капли убийственного намерения — только чистая радость настоящего боя. Расспросив затем Рон Цзяня, имевшего приглашение героя, он узнал, что Чанькунь Чжуоюй и его спутники пришли сюда, услышав о грядущей катастрофе, и хотели помочь. Не имея приглашения и желая увидеть формирование мечей горы Шу, они пошли на отчаянный шаг, но не питали вражды.

Ран Цэньцинью не оставалось ничего, кроме как остаться в секте и ждать Чанькуня Чжуоюя, мысленно проклиная лисьего духа Пэя от корней волос до кончиков ногтей.

Тем временем внутри формирования Ли Синлунь погрузился в глубокое, загадочное состояние.

Метод медитации семьи Ли позволял достичь максимум уровня Золотого Ядра; без исключительной удачи пробиться на уровень Зарождения Души было невозможно. Ли Синлунь хотел отомстить, хотел стать сильнее как можно быстрее и потому больше не мог практиковать семейный метод.

Уровень культивации его учителя был непостижим, возможно, высший во всём мире, но он ничего не помнил и использовал лишь свой внутренний способ, не зная, как передать его ученику.

К счастью, Ли Синлунь был гением с выдающимся талантом и пониманием. Ещё тогда, когда он наблюдал, как Чанькунь Чжуоюй разрушал формирование меча в Долине Разбитых Душ, в его сердце зародились первые семена просветления. А когда Чанькунь Чжуоюй помогал ему культивировать, у него начал формироваться образ пути, которым он хотел идти. Но чего-то всё же не хватало. И только наблюдая за поединком Чанькуня Чжуоюя и Мудреца Ипина, он наконец пронзил ту бумагу, что закрывала его сердце. В этот момент Ли Синлунь культивировал с помощью ментального метода, никогда ранее не виданного в мире культивации. Он выбрал путь, который постиг сам. Как далеко он сможет пойти теперь зависело только от него. Даже если Чанькунь Чжуоюй восстановит память, как ученик, он уже не сможет многому научиться у своего учителя, только получать указания.

Когда тревога Чанькуня Чжуоюя прошла, он тихо сел рядом с Ли Синлунем и закрыл глаза. Теперь он находился внутри божественного формирования горы Шу, используя своё тело, чтобы ощутить его структуру, надеясь получить уникальный урожай знаний.

После того как Чанькунь Чжуоюй погрузился в медитацию, к ним бесшумно приблизились Близнецы.

Два дракона — фиолетовый и синий, сначала потерлись о Чанькуня Чжуоюя, будто приветствуя, а затем разделились, обвивая каждого из них своими огромными телами, так что их хвосты сомкнулись вокруг пары, оставляя лишь маленькое пространство посередине для сидящих в позе лотоса.

Оба медитирующих ничего не осознавали — один лишь чувствовал, что поглощение духовной энергии стало немного легче, другой — что формирование горы Шу открыло перед ним свои врата, позволяя свободно исследовать его изящные тайны.

Так прошло больше месяца. Именно в тот момент, когда должно было начаться великое собрание праведников, Ли Синлунь открыл глаза. В самый миг пробуждения Близнецы тихо превратились обратно в мечи и вернулись в центр формирования.

Открыв глаза, Ли Синлунь опустил взгляд на свои руки и тихо улыбнулся.

Ему потребовалось двадцать лет, чтобы едва достичь уровня Формирования Основы. А теперь, меньше чем за год, он уже сформировал Золотое Ядро. В мире культивации из тех, кто начинал с Формирования Основы, не каждый сотый достигал Золотого Ядра. Многие ученики мелких

сект и кланов всю жизнь оставались на этом этапе, умирая, так и не создав ядро.

А для него формирование ядра оказалось таким лёгким.

Пока Ли Синлунь размышлял, он вдруг услышал тихий голос:

— Мой ученик уже сформировал ядро... неплохо. Только чуть медленнее, чем его учитель.

Только его эксцентричный учитель Чанькунь Чжуоюй мог сказать такие слова с такой невозмутимостью. Но откуда этот голос? Он будто бы исходил и отсюда, и из невообразимой дали.

Ли Синлунь посмотрел в сторону. Чанькунь Чжуоюй всё ещё сидел рядом в позе лотоса, но от него не исходило никакого присутствия, будто он слился с небом и землёй, находясь повсюду и нигде одновременно.

Под изумлённым взглядом Ли Синлуна Чанькунь Чжуоюй открыл глаза и едва заметно улыбнулся:

— Пока ты прорывался эти дни, я тоже немного культивировал, в основном очищал сердце. Похоже, я тоже продвинулся на один уровень. Но ведь я уже должен быть на пике мира культивации, а значит следующий шаг — встреча с небесным испытанием. Но я не чувствую его приближения... Так на каком же я уровне?

Ли Синлунь не мог ответить.

— Ну да ладно, главное, что твой учитель невероятен, — сказал Чанькунь Чжуоюй, вставая, а потом вдруг вспомнил что-то и наклонился к Ли Синлуню, понизив голос: — Есть кое-что, что я хочу тебе сказать.

Увидев его таинственное выражение, Ли Синлунь насторожился и внимательно прислушался.

— Я думаю... я, возможно, и есть Инь Чанькунь, — торжественно объявил Чанькунь Чжуоюй.

Ли Синлунь: ...

— Правда, — внезапно воскликнул Чанькунь Чжуоюй, будто озарённый. — Я всё гадал, почему мне так нравится использовать «Чанькунь» в качестве фамилии... Оказывается, это и есть моё настоящее имя! Сюэ Цяньцзе жил две тысячи лет назад. Кроме секты Сотни Цветов, что почитает его как бога, все его последователи давно исчезли из мира культивации. Но я постоянно чувствую, будто где-то ждут верных подчинённых, готовых повернуть ход истории... Разве это не противоречие? Значит, я должен быть Инь Чанькунем. Да и по времени всё

совпадает.

Божественное формирование Куньлуна было разрушено, Инь Чанькунь исчез, а вскоре после этого Ли Синлунь упал с обрыва и пробудил проснувшегося Чанькуня Чжуоюя.

На первый взгляд, это имело определённый смысл, именно в такой рассказ многие поверили бы без колебаний. Но Ли Синлунь слишком хорошо знал бесконечные фантазии своего учителя, потому сразу возразил:

— Учитель, но то, что вы Сюэ Цяньцзе, уже подтвердила сама секта Сотни Цветов. К тому же, Инь Чанькунь не был мечником. Как тогда объяснить вашу технику мечв, равную даже Главе секты горы Шу?

Инь Чанькунь славился строгостью и сдержанностью, он был не только лидером Куньлуна, но и главой всех праведных сект. Сказать, что Чанькунь Чжуоюя — это он...Ли Синлунь скорее поверил бы, что он Сюэ Цяньцзе.

— Я ведь никогда не отрицал, что я Сюэ Цяньцзе, — ответил Чанькунь Чжуоюя с полной уверенностью. — Инь Чанькунь живёт меньше тысячи лет, а Сюэ Цяньцзе исчез целую тысячу лет назад, эти два человека вполне могут быть одним и тем же!

Впервые в жизни Ли Синлунь услышал, чтобы кто-то заявил, что он повелитель демонического пути и вождь праведного мира в одном лице. Он был так поражён, что не мог найти слов для возражения.

Но чем больше говорил Чанькунь Чжуоюя, тем увереннее становился:

— Впрочем, это можно понять по характеру Сюэ Цяньцзе. Хотя он был демоническим культиватором, он бросился в божественное формирование Куньлуна, а значит, в глубине сердца тосковал по нему. После того как прорвался наружу, он не тронул ни одного листа в Куньлуна, вместо этого взошёл на Пик Трясущегося Неба, победил всю Демоническую секту и стал её повелителем, доказывая, что ценит Куньлуна. Став Главой Демонической секты, он не начал великую войну против праведного пути. Наоборот, он сдерживал демонический путь, запрещал им творить зло и обеспечил миру культивации тысячу лет мира. Это показывает: хоть он и стоял на демоническом пути, сердцем он принадлежал праведному! Ли Синлунь был ошеломлён. «Учитель, если бы вы сказали это перед Ран Цэньцзинь, её змеи уже впились бы вам в горло.»

Но Чанькунь Чжуоюя продолжал развивать свою теорию:

— Очевидно, он был добрым и праведным, но при этом — демоническим культиватором. Какими бы ни были его навыки, он не мог войти в Куньлуна. Он странствовал по всему миру культивации, но не нашёл пути из демонического в праведный. В конце концов, перед Вознесением, он использовал свою великую силу, чтобы расчленил тело и душу и

переродиться, став Инь Чанькунем.

— Посмотрите на жизнь Инь Чанькуня: Формирование Основы в двадцать, Золотое Ядро в пятьдесят, Зарождение Души в сто, достиг Великого Вознесения всего за четыреста лет, став лидером Куньлунь. Он возглавил секту ровно через пятьсот лет после исчезновения Сюэ Цяньцзе, в момент, когда демонический путь набирал силу, а праведный шаг за шагом отступал. Инь Чанькунь повернул ход событий, возглавил почти рассыпающиеся праведные секты и за столетие разгромил демонический путь, заставив его отступить на Пик Трясущегося Неба, подарив миру культивации пятисотлетний мир. Такой человек, если бы он не был великой фигурой из прошлой жизни, как он мог бы взойти, будто герой легенды? Он должен быть перевоплощением Сюэ Цяньцзе!

Впечатляюще, впечатляюще...Ли Синлунь почти поверил.После прозрения в формировании меча, слова учителя казались ещё более убедительными.

— А я... то есть Инь Чанькунь... после того как божественное формирование Куньлунь было разрушено загадочным врагом, встретил своё смертельное испытание, упал в глубины Долины Разбитых Душ и, отсеки прошлое, прошёл испытание. Кто бы мог подумать, что беда обратилась в благо. Забвение позволило мне вспомнить свои прошлые жизни, сохранив силу Инь Чанькуня и восстановив техники Сюэ Цяньцзе. Я действительно первый во всём мире, соединивший в себе и свет, и тьму!

Говоря это, Чанькунь Чжуоюй машинально потянулся к поясу и ничего не нашёл. Только тогда он вспомнил, что его веер уже превратился в пепел. Почувствовав пустоту, он блестящими глазами повернулся к Ли Синлуню.

Но и Ли Синлунь был без гроша — тот сломанный веер он купил на деньги, заработанные копированием текстов.Чанькунь Чжуоюй считал его сокровищем, в результате сжёл до пепла.А теперь хочет новый?Неужели он ожидает, что Ли Синлунь снова будет день и ночь копировать книги?

Ли Синлунь почувствовал, будто его высасывает досуха этот маленький демон-учитель.

Стоп, нет! Дело не в веере, а в том, что Чанькунь Чжуоюй всё ещё верит, что он — Инь Чанькунь, и теперь хочет явиться на собрание праведников. Если он объявит себя Инь Чанькунем перед сектой Куньлуня, за ними начнут охотиться все праведные секты.

Поэтому Ли Синлунь быстро схватил Чанькуня Чжуоюя, уже готового воссоединиться с Куньлунем, и сказал:

— Учитель, вы помните, кто сбросил вас в глубины Долины Разбитых Душ? И кто, под вашей защитой, разрушил божественное формирование Куньлунь?

Чанькунь Чжуоюй: ...?

— Чтобы победить такого, как вы, насколько же страшна должна быть сила того человека?

Чанькунь Чжуоюй: ...?

— Я вообще не думаю, что такой человек существует! — увидев, как учитель сразу поник, вспомнив о своём поражении, Ли Синлунь быстро сменил тон. — Значит, вы точно не можете быть Инь Чанькунем. Мой учитель слишком удивителен, чтобы быть им!

Чанькунь Чжуоюй наконец немного оживился.

— В словах моего ученика есть смысл. — Кивнул он — Возможно, здесь скрыты какие-то истины. Буду ли я Инь Чанькунем или нет, лучше не действовать опрометчиво, пока правда не раскрыта.

— Вот это правильно, — наконец успокоился Ли Синлунь. — Учитель, собрание, вероятно, ещё не началось. Поторопимся на гору Шу.

Ли Синлунь всё ещё не мог забыть уничтожение семьи Ли, надеясь найти там какие то подсказки. Он был решительно настроен присутствовать на этом собрании.

— Именно, — кивнул Чанькунь Чжуоюй. — За эти дни я наблюдал за изменениями духовной энергии горы Шу — похоже, уже прибыло немало важных фигур. К счастью, ты как раз прорвался на уровень Золотого Ядра, иначе тебя даже не допустили бы внутрь.

Это было не обычное соревнование, которое проходило каждые пятьдесят лет. На таких встречах для обсуждения судьбоносных вопросов ученики уровня Формирования Основы могли лишь ждать снаружи, им не полагалось входить. Даже если бы Чанькунь Чжуоюй захотел взять Ли Синлуна с собой, другие, скорее всего, возражали бы. Но теперь, когда Ли Синлунь достиг уровня Золотого Ядра, а сила самого Чанькуня Чжуоюя, по крайней мере, на уровне Великого Вознесения, он естественно мог привести его с собой.

— Это сэкономит время на бои с другими Главами сект, — добавил Чанькунь Чжуоюй.

Ли Синлунь слегка опешил:

— Учитель, вы хотите сказать, что даже если бы я был на уровне Формирования Основы, вы всё равно взяли бы меня с собой?

— Конечно, — кивнул Чанькунь Чжуоюй, как о чём-то само собой разумеющемся. — Ты ведь должен войти и кое-что расследовать, разве нет?

В этот момент он был необычайно внимателен, не упоминая напрямую уничтожение семьи Ли.

С этим вопросом в сердце Ли Синлунь и Чанькунь Чжуоюй направились к главному залу горы Шу под пристальным вниманием множества божественных чувств, ощущая, как каждый шаг отзывается в воздухе напряжением невидимых глаз, следящих за ними из теней. Как только они ступили на каменную платформу перед залом, к ним подбежала Ран Цэньцинъ, слёзы дрожали у неё на ресницах, будто роса на лепестке ночного цветка; она смотрела на Чанькунь Чжуоюй так, словно хотела броситься в его объятия, но не осмеливалась.

— Так хорошо, что вы, молодой господин Чанькунь, наконец появились... — Замерев в нескольких шагах, дрожащим голосом произнесла она. — Цэньцинъ так сильно по вам скучала.

Перед лицом такой глубокой привязанности Чанькунь Чжуоюй мягко, почти по-отцовски, провёл по её волосам, говоря тихо, как будто раскрывая древнюю истину пути:

— Цэньцинъ, этот мастер всегда учил, что культивация должна идти свободным сердцем. Когда приходят испытания — если можешь пройти мимо, пройди; если не можешь, нет нужды насильно разрывать узы. Путь культивации долг, и лучше потеряться в испытании навсегда, чем стать холодной, одинокой душой, лишённой света.

— Учитель... — глаза Ран Цэньцинъ загорелись. Неужели Глава Секты Сюэ наконец отвечает ей взаимностью?

Но Чанькунь Чжуоюй продолжил спокойно, без тени волнения:

— Однако я не твоё любовное испытание, а всего лишь мимолётное увлечение. Однажды ты встретишь своё настоящее испытание. Если оно покажется тебе сладким, то иди своим путём. Если станет невыносимым — приходи ко мне. Я протяну руку.

[Любовное испытание — эмоциональное и кармическое испытание, которое переживает культиватор, когда возникают глубокие чувства любви или привязанности. Оно считается проверкой на пути к просветлению или бессмертию. Эмоциональные узы полагают связывать культиватора с мирским существованием, ослабляя решимость, отвлекая разум или вводя в опасность. Культиватору может придётся выбирать между любимым человеком и своей культивацией, переживать сердечную боль, предательство, утрату или искушение. Преодоление испытания — часто через преодоление привязанности без ненависти или одержимости — ведёт к росту и продвижению. Неудача может привести к застою, внутренним демонам или даже гибели.]

С этими словами он опустил руку и, не оглядываясь, пошёл дальше, не удостоив Ран Цэньцинъ ни единого взгляда.

Она почувствовала, как внутри всё обрушилось. Пустота и беспомощность захлестнула его с головой, будто сама земля ушла из-под ног. С восемнадцати лет, увидев портрет Сюэ Цяньцзе, её сердце было связано с ним навсегда. Она читала таблички секты Сотни Цветов, тайком пробиралась в Центральные равнины, чтобы услышать легенды о нём, мечтая лишь о том, что

хоть раз в жизни увидеть Главу Секты Сюэ, и тогда у неё не будет сожалений.

И вот она встретила его. Даже была рядом всё это время. Разве она могла его упустить?! Но теперь, услышав такие слова, почувствовала, что вся её жизнь потеряла смысл.

— Не забывай, — вдруг прозвучало прямо в её сознании, — ты Святая мяо, Глава секты Сотни Цветов. Ваша секта не принадлежит ни праведному, ни демоническому пути и не участвует в их войне. Ты пришла на это собрание ради меня. Ты хочешь, чтобы демонический путь начал охоту на тебя? Оставайся в своей комнате и культивируй эти дни. Не участвуй в собрании. После я отправлю тебя обратно в секту Сотни Цветов. Отныне держите ворота закрытыми, не вступайте ни в какие конфликты до тех пор, пока катастрофа не пройдёт.

— Глава Секты Сюэ... — сердце Ран Цэньцинъ снова забилося радостно. Значит, он всё ещё о ней заботится.

Она кивнула, вытерла слёзы и быстро побежала обратно в свою комнату, смакуя каждое слово, каждую мысль, что он прошептал ей в разум.

Ли Синлунь: ...

Держа руку Чанькуня Чжуоюя, он тихо написал на его ладони несколько слов.

Чанькунь Чжуоюй передал ему в ответ:

— Ученик, я чувствую вину перед Главой секты Сотни Цветов. Не хочу, чтобы она оказалась втянута в эту бурю. Хотя мне и жаль расставаться, я всё же отправлю её назад.

Ли Синлунь немедленно понял. Действительно, использовать Ран Цэньцинъ лишь ради серебра и камней духовной энергии — недостойно. Но отпускать её было тоже немного грустно, ведь с ней уходил и кошелёк, а впереди их ждал длинный путь.

Продеться экономить...ему. Сам Чанькунь Чжуоюй даже не знал, как пишется слово «экономия».

При этой мысли Ли Синлунь почти пожалел, что не может создать целую армию кукол, чтобы зарабатывать деньги по дороге с горы. Теперь, достигнув уровня Золотого Ядра, он уже мог начать делать простые куклы.

Пока он размышлял, они уже вошли в главный зал горы Шу. По пути их встречали лишь духовные образы, скользящие по коже, как холодные пальцы, никто не выходил лично. Это было нормально: все здесь были высокопоставленными мастерами, которые не станут показываться лично.

Внутри зала их встретил Мудрец Ипин, стоявший у двери с хлыстом из конского хвоста в руках. Он почтительно сложил руки перед Чанькунем Чжуоюем:

— Всего несколько дней не виделись, а вы уже снова совершили прорыв. Это поистине достойно восхищения. Вы всё ближе к Дао.

— Дао бесконечно, а я лишь сделал первые шаги, — смиренно ответил Чанькунь Чжуоюй.

Перед Ран Цэньцзинь он мог называть себя «этим мастером», но перед другим мастером уровня Великого Вознесения, таким как Мудрец Ипин, он сохранял сдержанность.

За промежуток времени, равный одной палочке благовоний, Чанькунь Чжуоюй успел сыграть множество ролей: загадочный повелитель, сливающийся с небом и землёй, бродячий бессмертный, рассказывающий истории, отстранённый, но добрый Глава Демонической секты, и теперь — смиренный праведный мастер перед Мудрецом Ипином. Его превращения ошеломляли Ли Синлуна, который подумал, что за время медитации мастерство его учителя в игре образов выросло так же стремительно, как и его уровень культивации.

Мудрец Ипин пригласил Чанькуня Чжуоюя занять почётное место, а Ли Синлунь остался стоять позади, без своего сиденья.

— Собрание начнётся через три дня, — сказал Мудрец Ипин. — Пока отдыхайте в верхних покоях. Через три дня обсудим план уничтожения демонического пути.

— Конечно, — кивнул Чанькунь Чжуоюй. — Перед лицом катастрофы все мы, культиваторы, несём общую ответственность. Я сделаю всё возможное.

— Вы действительно думаете о благе всех живых. Мне стыдно перед вами. С вашей силой занять первое место через три дня было бы вполне уместно. Но... как Глава горы Шу, я должен учесть многие детали. Не могли бы вы сообщить мне вашу истинную личность, чтобы я правильно расставил места на собрании?

Ведь все присутствующие были значимыми фигурами, поэтому расстановка мест была делом непростым.

Услышав это, у Ли Синлуна внезапно возникло плохое предчувствие. Он хотел остановить учителя, но было уже слишком поздно.

— Поскольку мы с вами понимаем друг друга, было бы грубостью скрывать мою личность. — Спокойно ответил Чанькунь Чжуоюй — Откровенно говоря, я Сюэ Цяньцзе. Хотя я иду демоническим путём, моё сердце принадлежит праведному. Я пришёл на это собрание именно для того, чтобы заявить свою позицию: я подавлю демонический путь и поведу его, чтобы он стоял плечом к плечу с праведными, противостоя катастрофе.

Ли Синлунь: ...

Всё. Теперь за ними будут охотиться все праведные секты мира.

<http://bllate.org/book/14629/1297998>